

Толстой Лев Николаевич

* * *

Толстой Лев Николаевич

О безумии

Л.Н.Толстой

О безумии

Ce sont des imbeciles. Un imbeciles est avant tout un homme qu'on ne comprend pas. (Это – безумцы. Безумец – это прежде всего человек, которого не понимают.)

I

Вот уже много месяцев, особенно в последнее время, что я получаю не менее 2, 3 ежедневно (нынче было три) писем, в которых молодые люди, молодые девушки пишут мне о том, что они решили покончить с собой, но почему-то обращаются ко мне в надежде, что я избавлю их от этого каким-то моим советом. Письма эти бывают трех различных характеров. Первый самый обыкновенный: сельская учительница ради служения народу желает бросить свои занятия (она, мол, не достаточно образована для просвещения народа) и идти на курсы. И желание ее так сильно и так благородно, как она думает, что она решила покончить с робюю, если желание это не будет исполнено. Или восторженный юноша, готовый покончить с собой, если ему не помогут развить свои, как он чувствует, могучие силы. Или изобретатель, желающий осчастливить человечество, или поэт, чувствующий свою гениальность, или девица, желающая умереть или поступить на курсы, или женщина, влюбленная в чужого мужа, или мужчина, влюбленный в замужнюю женщину. Письма различные по полу, возрасту, положению, но во всех их одна черта, общая всем этим людям. Черта эта – слепой, грубый эгоизм, не видящий ничего, кроме своей персоны. "Повсюду несправедливость, жестокость, обманы, ложь, подлость, разврат, все люди дурны, кроме меня, и потому естественный вывод, что так как моя душа слишком возвышенна для этого порочного мира или порочный мир слишком гадок для моей возвышенной души, то я не могу больше оставаться в нем".

Таков первый разряд писем. Второй разряд это письма людей, желающих

служить народу и не находящих способа приложения своих, очевидно, предполагаемых великих сил. – Человек так благороден, так возвышен, что не может жить для себя, а желает посвятить свою жизнь на служение другим, но или не может этого делать, люди мешают ему, или сам не может почему-то отдаваться этому самоотверженному служению.

Человека не было никогда. Вдруг он появился и видит вокруг себя весь мир Божий, солнце, небо, деревья, цветы, животные, люди такие же, как он, которые любят и которых он может любить, и сознает сам себя со своими способностями разума и любви, которые он может довести до высшего совершенства. Все это дано ему откуда-то как-то, задаром, хотя он ничем не мог заслужить этого, и вероятно для чего-нибудь, но он и не думает задавать себе этих вопросов.

Его никогда, никогда не было. И вдруг он сознает себя живущим, видит весь мир со всеми его радостями: солнцем, природой, растениями, животными, людьми такими же, как он сам, привлекающими его к себе, обещающими радость взаимной любви, видит возможность такого блага, выше которого он ничего не может себе представить, а он говорит: "

Все это нехорошо, и мне не нужно всего этого. Я хочу совсем другого, гораздо более важного. Я хочу, чтобы у меня было столько же денег, как и у Ивана Иваныча, или хочу, чтобы Марья Петровна любила меня, а не Семена Иваныча, или чтоб Семен Иваныч любил только меня одну, а никого другого; я хочу, чтобы я мог или могла выучиться разным наукам и за это получить такую бумагу, вследствие которой мог или могла бы ради служения народу сесть ему на шею. Или, что самое обыкновенное среди так называемой интеллигентной молодежи, хочу, чтобы я мог устроить ту республику, которую мы с Тихоновым и Мишиным так хорошо обдумали в нашей фракции. "

Но этого нет. А потому весь мир никуда не годится и должен быть уничтожен. А так как я не могу уничтожить мир, то уничтожу себя. На это есть нашатырный спирт, есть вагоны, бегающие по рельсам, есть третьи этажи, есть револьверы. Не хочу жить. Оставайтесь одни без меня. Нате вам".

И это не шутка, а ужасная, страшная правда.

Человек ищет блага (если он живет, то ищет благо – жизнь есть только стремление к благу). Человек ищет блага, благо возможно для человека только в жизни, и вот человек, окруженный благом, для получения которого ему нужно только протянуть руку, и даже не протягивать руку, а только не отталкивать того блага, которое даром дается ему, и вот человек этот вместо того, чтобы брать это благо, не только не берет его, но уходит

из тех условий, в которых только он и мог получить это благо. Все равно, как если бы человек, томимый жаждой, зная, что вода есть только в реке, для того, чтобы утолить свою жажду, уходил бы от того места, в котором одном он может получить то, к чему стремится.

Иногда спрашивают: имеет ли человек право убить себя? Слово право тут неуместно. Право только для живых. А как только человек убил себя, он вне рассуждений о праве. И потому вопрос может быть только в том: может ли человек убить себя. А что это он может, это мы видим на деле, видим, как люди не переставая в разных видах пользуются этой возможностью, убивая себя иногда понемножку, развратом, водкой, табаком, опиумом, иногда, как на войне, на дуэлях, подвергая себя большой вероятности смерти, иногда же сразу, как самоубийцы. Возможность эта убить себя, как я думаю, дана человеку, как спасательный клапан. При этой возможности человек не имеет права (вот тут уместно выражение: иметь право) говорить, что ему невыносимо жить. Невыносимо жить – так убей себя, та можешь это сделать, и некому будет говорить о невыносимости жизни. Вопрос, стало быть, не о праве человека убивать себя, а только о том, разумно ли и нравственно ли (разумное и нравственное всегда совпадают) делать это? И ответ всегда был и есть один: что это и неразумно и безнравственно.

Неразумно, во-первых, потому, что так как жизнь вне времени и пространства и потому не может быть уничтожена смертью тела, то, прекращая проявление жизни в этом мире, убивающий себя человек не может знать, будет ли ее проявление в другом мире более ему приятно, а во-вторых неразумно, потому что, прекращая жизнь в этом мире, человек лишает себя возможности изведать и приобрести для своего я все то, что оно могло изведать и приобрести в этом мире. Кроме того, и главное, это неразумно, потому что, прекращая свою жизнь в этом мире из-за того, что она ему кажется неприятной, человек показывает этим то, что он имеет превратное понятие о назначении своей жизни, предполагая, что назначение ее есть его удовольствие, а не служение тому делу, которое совершается всей жизнью мира. Этим же самоубийство и безнравственно: человеку дана жизнь только под условием его служения жизни мира, а он, воспользовавшись жизнью настолько, насколько она казалась ему приятной, отказывается от служения ей миру, как скоро она стала казаться ему неприятной. А стала казаться она ему неприятной только потому, что он не полагал благо своей жизни в том, в чем оно действительно заключается, а в том, в чем не только нет, и не может быть блага. Убивают себя люди почти всегда по двум причинам: или потому что жизнь не дает человеку того счастья, какого он для себя желает, или потому, что человеку кажется, что жизнь его бесцельна, и он не может служить миру служить миру в той форме, которую он избрал себе. Но и то и другое происходит от ложного представления о назначении жизни.

В Оптиной пустыни в продолжение более 30 лет лежал по полу разбитый параличом монах, владевший только левой рукой. Доктора говорили, что он должен был сильно страдать, но он не только не жаловался на свое положение, но постоянно, крестясь, глядя на иконы, улыбаясь, очевидно, искренно выражал свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась в нем. Десятки тысяч посетителей бывали у него, и трудно представить себе все то добро, которое распространилось в мире от этого, лишённого всякой возможности деятельности, человека.

Пока есть жизнь в человеке, он всегда может и имеет истинное благо и

давать его другим людям. Может иметь это благо, потому что, совершенствуясь в любви, не может не испытывать того высшего блага, которое свойственно человеку, положившему в этом совершенствовании цель своей жизни, и вместе с тем не может не содействовать благу людей, заражая тем свойством любви, которое одно дает истинное благо людям.

III

Ведь неизбежно одно из двух: или человек сознает себя в неразрывной зависимости от какого-то неизвестного ему, не вещественного, но несомненно существующего начала и видит смысл своей жизни в исполнении закона этого начала, или, напротив, признает себя одного начало всего и не знает никакого другого закона, кроме своих желаний. А так как желаний этих может быть бесчисленное количество и самых разнообразных, и самых неисполнимых, и вообще исполнение желаний, зависящих от внешнего мира, не во власти человека, то ясно, что для человека, так понимающего жизнь, жизнь, в которой не исполняются его желания, не представляет никакого смысла и ценности и потому должна быть уничтожена.

Да, удивительно то одурение, в котором в наше время находятся люди нашего христианского мира, и одурение это с каждым годом, с каждым днем становится все больше и больше, как это и не может быть иначе, потому что одурение это непрерывно производится с двух противоположных концов, приводя людей к одним и тем же ужасным последствиям. С одной стороны, одурение это производится тем, что называется церковью, с другой стороны тем, что называется наукой.

Одурение, совершаемое церквами, как католической, греко-российской, так и всех разных наименований протестантскими, всем и известно и понятно. Оно состоит в том, что под именем истинной христианской веры старательно и упорно внушается нечто столь несовместимое с мировоззрением самых мало просвещенных людей нашего времени, как, например, творение в 6 дней, Троица, искупление, воскресение, таинства и мы. др., что большинство людей, как так называемых просвещенных классов, так и людей рабочего народа, не в силах будучи выделить религиозную истину от примешанной к ней лжи, перестают верить в какую бы то ни было религию и остаются в самом несвойственном людям состоянии, без всякой религии, т.е. всякого объяснения смысла и назначения жизни и внутреннего руководства в ней.

Таково дело церкви. Учение же, называемое наукой, доделывает то, чего не успела сделать до конца церковь. Учение это заключается в том, что закон жизни человеческой может и должен быть выведен из законов, наблюдаемых нами в мире природы. И что так как в этом, наблюдаемом нами мире внешней природы происходит борьба существ за свое существование, происходят изменения видов, движение и прогресс, то в этом самом и закон жизни людей, т.е. в сущности то, что то самое, что делают люди, как животные существа, то и должно делаться ими.

Так что среди всего христианского мира не только не существует

никакого разумного, религиозного, т.е. свойственного разумному существу человеку понимания жизни, но существует и царствует понимание жизни, совершенно исключающее возможность какого бы то ни было свойственного человеку, как разумному существу, понимания. Этим только и можно объяснить то кажущееся сначала непонятым существование и даже возрождение в наше время разных квази-христианских, диких для нашего времени верований: католической, лютеранской, баптистской и, кроме того, разных теософических, спиритических и других странных квази-религиозных учений. Одни люди с чутким самосознанием чувствуют нелепость и внутреннее противоречие царствующего понимания жизни эволюции, прогресса, т.е. признание хорошим и должным всего того, что делается всеми и, не имея ничего другого, хватаются за самые странные, но все-таки отвечающие на высшие требования души, суеверия, другие же, большинство людей, разделяя общую всем безумным черту упорства и непоколебимости в своем заблуждении, становятся все более и более недоступными каким-либо разумным доводам и все более и более самоуверенными и самодовольными.

IV

Кроме, как я говорил уже, ежедневно получаемых писем и обращений ко мне с угрозами самоубийства, я получаю тоже в неделю не менее десяти писем от молодых, а иногда и от немолодых людей, мужчин и женщин, с удивительно однообразным вопросом: Какой смысл жизни? Зачем жить? Вопросы эти бывают иногда поразительны своей наивностью и нелепостью: спрашивающие, обыкновенно, прочтя несколько самых новейших сочинений, преимущественно художественных, и не найдя в них объяснений смысла жизни, большей частью, напротив, найдя в них отрицание какого-нибудь смысла жизни, вполне уверены, что такого смысла и нет никакого, и что не признавать никакого смысла в жизни очень мило и показывает высшую современную культурность. Так, на днях я получил книжку, озаглавленную "О смысле жизни". В книжке этой автор отыскивает смысл жизни в сочинениях Сологуба, Андреева и Шестова. Не забывает воспользоваться при этом для объяснения смысла жизни и сочинениями Чехова и другими, столь же компетентными в вопросе о смысле жизни. Точно не было ни Браманизма, ни Будды, ни Соломона, ни Марка Аврелия, ни Сократа, Платона, ни Христа, ни Руссо, ни Канта, ни Шопенгауэра и др. Точно все человечество до Сологуба, Л. Андреева, Шестова и Льва Толстого жило, не имея никакого понятия о смысле жизни, который вот-вот будет разъяснен людям Шестовыми, Андреевыми, Сологубами, Толстыми. То же самое и в письмах. В получаемых мною письмах за вопросом о том, в чем смысл жизни, уже чувствуется решенный ответ, что смысла этого нет и не может быть. Спрашивается, например, – подлинное письмо (Толстой имеет в виду полученное им в феврале 1908 г. письмо от М. Докшицкого, сообщавшего, что в Санине он нашел свой идеал, но, прочитав Толстого, мучается вопросом: "что лучше: санинство или христианское учение?" Толстой ответил ему письмом. В этом письме Толстой пишет, что прочитал роман Арцыбашева, и что герой романа "не имеет ни малейшего понятия о всей работе лучших душ и умов человечества по разрешению вопросов жизни. которых он не только не решает, но не имеет даже понятия о их разрешении".) – кому верить, Христу из Евангелия или Санину из романа Арцыбашева; и очевидно, что

сочувствие автора письма на стороне Санина. В таких письмах большей частью рисуемый автор выражает свой ответ на задаваемый им вопрос о смысле жизни. Ответ этот всегда тот, что смысла в жизни нет, для настоящих образованных людей нет и не может быть никакого, а есть эволюция, совершающаяся по открытым наукой законам, в наше время совершенно уже устранившая старые, отсталые понятия о душе, Боге и тому подобных суевериях о назначении человека и его нравственных обязанностях. И высказывается все это с беспредельной самоуверенностью и самодовольством. "

Все это старое, отжившее. А нам нужно новое определение смысла жизни, новое такое, которое сходилось бы с Дарвинизмом, Ницшеанством, с самым новым пониманием жизни. Нам нужно придумать такое новенькое объяснение смысла жизни, при котором основанием всего признавались бы одни законы вещества, исследуемые в бесконечном пространстве и времени". Вроде того, как если бы люди считали, что нужно придумать такую новую геометрию, при которой; признавалось бы равенство углов треугольника, не двум, а трем прямым, или что-нибудь подобное. И эти люди всячески стараются придумать такую новенькую геометрию. И вот лучшие из молодежи – несчастные, колеблясь между самодовольством знания всей болтовни Дарвинов, Геккелей, Марксов, разных Метерлинков, Кнутов Гамсунов, Вейнингеров, Ницше и т.п., почитаемых ими великими мудрецами, и смутным сознанием бессмысленности на основании этих учений понимания жизни, все-таки ищут, и разумеется тщетно, объяснения смысла жизни и все больше и больше, как это и не может быть иначе, приходят в отчаяние, и самые горячие неуравновешенные из них кончают самоубийством. По книге Крозе "Der Selbstmord im 19-n " число самоубийств в одной Европе, с недостающими сведениями о России и других некультурных странах Европы, было в 19 столетии 1 300 000, и число это постоянно увеличивалось и увеличивается. И это, очевидно, не может быть иначе.

Трудно людям нашего мира не только понять причину бедственного своего положения, но и сознать самую бедственность этого положения, главное вследствие того главного бедствия нашего времени, которое называется прогрессом и проявляется лихорадочной тревогой, торопливостью, напряжением труда, направленного на совершенно не нужное или очевидно вредное, постоянным опьянением себя все новыми и новыми затеями, поглощающими все время, и, главное, безграничным самодовольством. Дирижабли, подводные лодки, дредноуты, 50-этажные дома, парламенты, театры, беспроволочные телеграфы, конгрессы мира, миллионные армии, флоты, профессора всяких школ, миллиарды книг, газет, рассуждений, речей, исследований. И люди в такой лихорадочной суете, торопливости, тревоге, в таком напряжении труда, направленного всегда на совершенно не нужное, даже явно вредное, и в таком при этом непрестанном восхищении от самих себя, что не только не видят, не хотят, не могут видеть своего безумия, гордятся им, ожидают от него всяких великих благ и в ожидании этих великих благ все больше и больше опьяняют себя все новыми и новыми затеями, имеющими одну цель – забьггся, и все дальше и дальше завязают в безвыходности и политических и экономических, и научных, и эстетических, и этических неразрешимых противоречиях.

Мы так устроили, или скорее расстроили свою жизнь, что нам нужно бесчисленное количество самых странных и никому не нужных вещей, и нет места тому одному, что нужно, не может не быть нужно всякому человеку.

Религия! Ах, это совсем не нужно нам в наше просвещенное время, когда мы знаем происхождение человека, земли, когда мы говорим глупости и гадости с одного конца мира на другой, когда мы скоро будем летать, как птицы небесные.

V

Да, ужасны и в особенности жалки эти тысячи ежедневно совершаемых самоубийств, но еще жалче люди еще живые, но находящиеся в том же душевном состоянии, готовящиеся к тому же, к самоубийству сразу или к той бессмысленной и несчастной жизни, которую не могут не вести люди, находящиеся в том же извращенном душевном состоянии. И в таком положении находится в наше время огромное большинство народа всего нашего мнимохристианского мира.

Чешский известный писатель Масарик в своей прекрасной книге "Самоубийство как общественное явление современной цивилизации" приходит к совершенно справедливому заключению, что причины самоубийства среди христианских народов в отсутствии религии. К сожалению, вывод, к которому он приходит в книге, написанной 30 лет тому назад, далеко не полный и неопределенный. Если причина увеличивающегося числа самоубийств отсутствие религии, то спасение в усвоении религии. Какой же? Хотя он и говорит о том, что такой религией, по его мнению или скорее чувству, должно быть христианство, "gesaubert vom Pfaffengeschmiere", т.е. очищенное от пачкотни церковности; хотя он и предполагает, что такой религией может быть одна из христианских сект, он не определяет, какая именно и в чем именно должна быть та религия, которая может удовлетворить требованиям нашего времени. В этом мнении все та же неопределенность, все та же робость, все то же, в сущности, неверие ни во что, которое составляет главное бедствие нашего времени. Как же можно ждать какой-то имеющей появиться религии? Да я-то что же, не я один, а все миллиарды живущих людей? Мы-то все так и погибнем без понимания смысла нашей жизни, живя скверной, животной, преступной жизнью, утешаясь тем, что для потомков наших сложится та новая религия, которая удовлетворит их требованиям? Ошибка таких рассуждений все то же научное извращение мыслей, при котором самые простые явления жизни рассматриваются как что-то внешнее, подлежащее исследованию и изучению. Религия – не для ученых людей, а для всякого живого человека – есть не предмет исследования, а есть необходимое, неизбежное условие жизни – религия для души человека то же, что воздух или пища для тела. Нельзя дожидаться того, что случится среди будущих поколений для удовлетворения дыхания или желудка. Также нельзя дожидаться и будущей религии, а самому продолжать жить с голодной душой. Пока есть животные, есть и воздух для их дыхания, и пища для поддержания их жизни; пока есть люди, есть и всегда было религиозное понимание жизни, дающее возможность жить человеческой, а не скотской жизнью. И такая религия, как всегда была, отвечая степени умственного и нравственного развития, так есть

и теперь, отвечая степени развития людей нашего времени. Религия эта есть, мы все знаем ее, если мы только не хотим скрывать от себя требования ее, тех требований, которые кажутся нам до невозможности чрезмерными, потому что прямо противоположны всему устройству нашей жизни и обличают все привычные преступления и пороки нашей жизни. Такая религия всегда была и есть: она есть и в Ведах, и в Конфуцианстве, и в таосизме, и в учении римских греческих мудрецов, и в христианстве, и в магометанстве, и в бегаизме, и в учениях Руссо, Паскаля, Канта, Шопенгауэра, Эмерсона, Рескина, Ламене и многих и многих других, и главное в сердце и разуме каждого человека нашего времени. Религия эта очень легко может быть определена. Положения ее суть те, которые одни и те же во всех религиозно-нравственных учениях мира, до их извращения, и все они очень ясны, коротки и одинаково понятны безграмотному рабочему, ребенку и ученому старцу. Все они в одном – как сказано не одним Христом, но всеми величайшими учителями мира – в том, чтобы, сознавая в себе божественное начало и признавая его во всех людях, любить всех и не делать ни одному человеку того, чего не хочешь себе. В этом всегда была и есть одна общая всем людям религия. Правда, есть еще метафизическая сторона, обосновывающая эти требования любви, но метафизические положения эти, естественно одинаково понимаемые всеми, никогда не поддавались выражению словом. Не поддаются и теперь. И чем осторожнее будут люди в попытках выражений их, тем менее может встретиться препятствий для общего, одинакового для всего человечества понимания религиозной истины. Так что главная причина бедственности нашей жизни – отсутствие религии, приходит никак не от того, что не "выдумана" еще та новая религия, которая свойственна нашему "просвещенному" времени – такая религия всегда была и есть и в наше время, а только от того, что жизнь наша так безнравственна и неразумна, что нам нельзя признать эту единую общую всем людям, вечную и не могущую быть неизвестной нам, религию.

Главная причина бедственности жизни человечества нашего времени в том, что мы переживаем тот неизбежный переход от одного возраста к следующему, который переживают и отдельные люди, и целые народы, переходя от одного мирозозерцания и строя жизни к другому, новому, более разумному, более соответствующему степени развития человечества и более совершенному, переживает в наше время и все человечество.

VI

Было время, когда мой взгляд на безумие нашей жизни представлялся мне таким исключительным, что мне странно и страшно было выражать его, так он бил несогласен с той непоколебимой самоуверенностью своего огромного большинства людей, живущих этой безумной жизнью, но в последнее время я стал испытывать совершенно обратное: мне странно и страшно становится не высказать этого моего взгляда. Так для меня стало очевидно, что большинство человечества, в особенности христианского мира, живет в наше время жизнью прямо противоположной и разуму, и чувству, и самым очевидным выгодам, удобствам всех людей – находится в состоянии, вероятно, временного, но полного сумасшествия, безумия.

Несколько месяцев тому назад я, чего уже давно не делал, взял газету и прочел ее, и все, что я прочел, было так странно мне, что я с трудом мог поверить тому, что действительно совершалось все то, что там было описано. Прочел я там следующее (выписываю то, что записал тогда):

Дело идет о присоединении Боснии и Герцеговины.

В первой статье газеты самым серьезным тоном пишется о том, что несколько людей, называющих себя австрийским правительством, желают присоединить к тому, что они называют австрийской империей, несколько миллионов людей, другие же, тоже небольшие количества людей, называющие себя одни – сербским, другие турецким, третьи – болгарским правительством, не желают этого. И что как те несколько людей, которые желают этого присоединения, так и те, которые не желают этого, хотят, для того чтобы разрешить несогласие, заставить несколько сот тысяч людей разных народностей идти убивать друг друга или, как предлагают некоторые, вместо этого одним получить, другим заплатить несколько миллионов рублей, собранных с людей, живущих на землях, называемых Австрией, Сербией, Болгарией и Турцией. Небольшое же количество людей, называющих себя русским правительством, заявляет при этом, что они тоже пошлют десятки, а может быть и сотни тысяч людей убивать людей, повинующихся людям, называющим себя австрийским или турецким правительствами, если эти правительства не согласятся на предлагаемое русским правительством распределение земель.

Все это на французском языке, в самых утонченных формах, без упоминания о тех приготовлениях к убийству, на которых все это основано, передается через посланников от одного правительства другому и печатается в тысячах газет и читается миллионами людей, находящими все это вполне естественным.

Казалось бы ясно, что миллионы людей, т.е. существ, одаренных разумом и нравственным чувством, не могут, не зная зачем и для чего, с готовностью на величайшие лишения всего дорогого людям, идти убивать тех неизвестных им людей, которых велит им убивать какие-то неизвестные им люди, называемые правительством, и что поэтому никак нельзя рассчитывать на то, что все то, что решают правительства с своими дипломатами, так точно и совершится. Но удивительное дело: никто ни на минуту не сомневается, что все предрешенное правительствами так же верно совершится, как и то, что если человек пошлет деньги в мясную лавку для покупки говядины, то он наверно получил за свои деньги нужную ему говядину. И как для покупающего говядину вопрос только в том, сколько и какого сорта ему нужна говядина и сколько надо послать денег, так и для всех рассуждающих в министерствах и газетах о присоединении Боснии и Герцеговины вопрос только в том, сколько людей надо приготовить к убийству или уже послать убивать друг друга и каких именно людей и в каких соединениях.

Такова поразившая меня первая статья. Читаю вторую статью под заглавием "Работа и историческая преемственность".

В первой статье шла речь о распоряжениях международных, о том, как разные правительства заставляют вследствие несогласия между собой повинующихся им людей убивать друг друга для каких-то чуждых убивающим и убиваемым людям целей; в этой же статье идет речь уже не об отношениях между собой разных правительств, а об отношениях нескольких людей, тех, которые считают себя в настоящее время русским правительством и распоряжаются жизнью десятков миллионов, и тех, тоже нескольких людей, которые желали бы быть правительством и поэтому считают все распоряжения существующего правительства нехорошими.

Так, правительство, защищая себя, говорит, что в "настоящее время понятно только одно деление людей на группы: те, кто напрягает свои усилия в пользу роста и развития русской государственности, и те, кто борется против ее основ". Автор же статьи газеты, возражая против этого, говорит, что для того, чтобы можно было действовать в пользу роста и развития русской государственности, надобно, чтобы тем, кто иначе понимает развитие и рост русской государственности, была бы дана та же свобода действовать, как и та, которой обладает партия правительственная, и что этого нет, т.е. что люди, иначе понимающие рост государственности, стеснены в своей деятельности и т.д.

И опять – удивительное дело – и те люди, которые считают себя вправе распоряжаться миллионами, и те, которые хотят быть и надеются при своей неперестающей борьбе стать на место первых, так же уверены в том, что они могут распоряжаться жизнью десятков миллионов народа, как мы уверены в том, что каждый день взойдет солнце. И споры и рассуждения идут только о том, как велеть жить всем этим миллионам, а что жить они будут по предписанным им законам несколькими людьми, называемыми правительством, в этом никто не сомневается. И еще более удивительно то, что и в самом деле миллионы людей, т.е. разумных, нравственных существ, живущих своим трудом и потому не только не нуждающихся ни в чьей помощи, но и содержащих своим трудом много тысяч праздных людей, рабски подчиняются воле этих спорящих между собой праздных людей, руководимых самыми мелкими, дурными страстями, но только не тем, что они всегда лицемерно выставляют своей главной целью: благом народа.

За этой статьей идет третья длинная статья "Конституционный бюджет", в которой рассуждается о том, сколько у каждого человека, трудящегося для себя и своей семьи, следует ежегодно отнимать произведений его труда, отдавая их в распоряжение людей, называемых правительством. Казалось бы, очевидно то, что так как работающим миллионам нет никакой не только надобности, но и повода отдавать произведения своего труда, людям, до сих пор всегда употреблявшим эти деньги на самые дурные и безнравственные дела, на изготовление орудий убийства, на тюрьмы, крепости, поставку водки, на развращение народа посредством солдатства или ложной веры, то казалось бы очевидно, что и не будет никакого бюджета и нечего рассуждать о том, как собирать и употреблять его. Так казалось бы, а между тем правительственные люди и те, которые хотят быть правительством, с полной уверенностью в том, что деньги эти будут в их руках, рассуждают о том, как побольше собрать их и как распределить их

между собой. И – удивительное дело – деньги эти собираются и распределяются: нуждающиеся в самом необходимом, часто голодные трудящиеся люди отдают свои сбережения праздным, безумно роскошествующим людям.

Следующая статья – "Вопрос о государственных преступлениях на Московском съезде криминалистов". В этой статье описывается то, как собравшиеся в Москве люди рассуждали о том, по каким статьям можно лишать свободы, грабить (штрафы), мучить, убивать людей и по каким этого нельзя делать, как лучше применять эти статьи и т.п. Сначала представляется удивительным, для чего эти люди, очевидно несогласные с правительством и противные ему, не высказывают прямо того, что само собой представляется всякому здраво мыслящему человеку, что не говоря уже о христианстве, которое будто бы мы исповедуем, с какой бы то ни было самой низкой нравственной точки зрения совершенно ясно, что никакой человек, во имя каких бы то ни было соображений, не имеет права и не должен ни грабить, ни мучить, ни лишать свободы, ни жизни других. И потому, казалось, бы ясно, что собравшиеся люди, враждебные правительству, должны бы были прямо сказать то, что само собой разумеется для всякого здравомыслящего человека: то, что один человек не может насиловать другого, не может потому, что если допустить, что могут быть такие соображения, по которым одни люди могут насиловать других, то всегда – как это и было и есть – найдутся такие соображения, по которым другие люди могут и будут употреблять насилие и против тех, которые их насильовали. Но собравшиеся "ученые" люди не делают этого, а старательно приводят хитроумные соображения о том, какие "ужасные последствия происходят от отступлений по делам о политических преступлениях от общего порядка судопроизводства", о "необходимости изучения государственных преступлений с социологической точки зрения", о том, как "основная проблема все более и более развивалась на собрании группы и все более и более становилась ясной невозможность ограничиться какими-либо краткими тезисами по такому сложному вопросу". И опять то же удивление и недоумение: почему то правительство, которое теперь действует, или то, которое составится из тех людей, которые спорят с ним в надежде самим стать правительством, почему эти люди так несомненно уверены, что тот народ, который не знает и знать не хочет все эти 120, 117 и т.п. статьи, но, к счастью, еще знает другие статьи о том, что не надо делать другому, чего не хочешь себе, что лучше простить не семь, а семью семь раз, чем мстить, – почему народ этот подчинится их статьям, 120-й, 117-й и еще какой-нибудь, и будет из повиновения этим статьям совершать сам над собой те преступления всех законов божеских и человеческих, которые предписываются ему? И что удивительнее всего, это то, что народ не только подчиняется всем этим статьям, но и в положении солдат, стражников, присяжных, тюремщиков, палачей совершает сам над собой все эти, противные его совести и исповедуемому им, признаваемому божеским закону, преступления.

Следующая, пятая статья заключает в себе сведения о том, как человек, называющийся русским императором, выразил желание о том, чтобы умерший, живший в Кронштадте, добрый старичок был признан святым человеком, и как синод, т.е. собрание людей, которые вполне уверены, что они имеют право и возможность предписывать миллионам

народа ту веру, которую они должны исповедовать, решил всенародно праздновать годовщину смерти этого старичка, с тем чтобы сделать из трупа этого старичка предмет народного поклонения. Еще понятно – хоть и с большим усилием – то, что люди могут быть так обмануты, чтобы верить, что они не столько люди, сколько подданные известного государства, и во имя идола государства отступать от своих человеческих обязанностей, как это делается при принуждении людей к участию в солдатстве и войнах. Можно понять и то, как люди могут быть доведены до того, чтобы отдавать на заведомо дурные дела свои сбережения, как это делается при отбирании податей. Как ни странно, но можно понять даже и то, как долгое и усиленное воспитание дурного чувства мести может довести людей до того, что они подчиняются требованиям совершения всякого рода насилий, даже убийств над братьями, под предлогом наказания. Но, казалось бы, невозможно заставить людей 20 века, знающих Евангелие, понимать превратно назначение своей жизни, верить в необходимость и благотворность идолопоклоннического поклонения неодушевленным предметам.

Казалось бы, в этом–то уже не могут люди – христиане подчиняться воле других людей, а между тем – удивительное дело – для огромного большинства народа это непрестанно совершается, и человек, считающий себя царем, и все его помощники, и те самые лицемерные или заблудшие люди, которые называют себя синодом, святейшим синодом, вполне уверены в том, что все их распоряжения о праздновании умершего старичка как святого, – будут также приняты всем народом, как были приняты все их прежние обманы, их мощи, иконы, чудеса.

И – удивительное дело – вместо того, чтобы миллионам народа с отвращением отнестись к таким распоряжениям, они спокойно принимают, освящаются древностью предания и заменяют для людей спасительные истины известного им христианства и губят их жизнь, отдавая ее и во всех других отношениях во власть обманывающих.

Да, как ни ужасны все те обманы, под гнетом которых страдает человечество, этот наименее замечаемый людьми обман веры ужаснее всех. Ужасен он, потому что на этом обмане зиждутся все другие обманы и все вытекающие из них бедствия.

Если спросишь себя, зачем люди разумные, добрые по требованию чуждых им людей идут в войско, надевают мундиры, учатся убивать и идут убивать чуждых им людей, хотя и знают, что человек должен не убивать, а любить всех людей? Зачем они отдают чуждым людям заведомо на дурные дела свои сбережения, когда считают, что никто не имеет право брать чужого? Зачем они идут в суды и требуют наказаний и подчиняются наказаниям, зная, что никто не может судить другого, и что человеку свойственно не наказывать, а прощать брата? Зачем в самом важном для души деле: в признании того, что свято, т.е. высшее добро, и что не свято, т.е. что зло, люди подчиняются требованиям чуждых им людей?

VII

На все эти вопросы есть и может быть только один ответ, тот, что люди, поступающие так, как те, которые предписывают эти дела, а

также и те, которые исполняют их, находятся в состоянии безумия: не в каком-нибудь переносном смысле этого слова: т.е. руководствуются в своей жизни не общим всем людям величайших мудрецов жизни, а руководствуются теми случайными, явно антиразумными положениями, которые в данное время усвоены большинством людей, не руководствующихся разумом и не признающих его положений для себя обязательными. Как несправедлива мысль, высказанная Паскалем, о том, что если бы наши сновидения были бы так же последовательны, как и события действительности, жизни, мы бы не могли бы отличить сновидения от действительности, так же несправедлива была бы и мысль о том, что если бы неразумная деятельность признавалась всеми разумной, то мы бы не могли различить неразумную деятельность от разумной.

Несправедливая и та и другая мысль, потому что, кроме непоследовательности в сновидениях и кроме не всеобщности признания неразумной деятельности, люди всегда обладают одним главным признаком различения истинной жизни от подобной ей. Признаком этим всегда было и всегда будет высшее свойство человеческой души – самосознание, то свойство, из которого вытекает нравственное чувство и нравственное усилие. И потому и сон, и безумие, как бы ни были последовательны сновидения, и как бы всеобщее не было безумие, всегда могут быть отличены людьми от действительной жизни тем, что и в снах, и в безумии отсутствует нравственное усилие. Хотя бы и случилось то, чтобы сновидения многих ночей были бы так же последовательны, как события действительной жизни "культурного" мира, что огромное большинство людей находятся в полном безумии, люди все-таки благодаря своему самосознанию и вытекающему из него нравственному чувству и возможности нравственного усилия, всегда могут видеть, не могут не видеть того, что сон есть сон и что безумная жизнь есть жизнь безумная. И как во сне бывает, что мы видим себя совершающими величайшие гадости и знаем, что делаем гадости, но не можем остановиться и спасаемся от этого положения только вызовами самосознания и потому пробуждения, так и в нашей теперешней безумной жизни, если мы чувствуем, что делаем ужасные гадости и не можем перестать, то спасение от этого только самосознание и пробуждение от безумной к разумной жизни.

Пускай в сновидениях будет полнейшая последовательность и пускай безумием будет обще всем людям, здоровый человек всегда может отличить сон от действительности и безумную жизнь от разумной. Здоровый человек всегда отличает сон от действительности и безумие от разумного состояния, потому что как во сне, так и в безумии отсутствует самосознание и вытекающее из самосознания нравственное чувство и последствие нравственного чувства, нравственное усилие. Так что если бы и случилось то, чтобы сны слагались в самую строгую определенную последовательность и все люди были одержимы одним и тем же безумием, здоровый человек всегда все-таки мог бы отличить сны от действительности и безумие от разумной жизни по одному тому, что как во сне, так и в безумии люди не сознают себя и потому бывают не в силах делать нравственные усилия. От этого-то и происходит то, что как во сне мы часто видим себя делающими гадость, но не можем остановиться, так же и в состоянии разделяемого всеми безумия мы часто зная, что делаем дурное, продолжаем все-таки делать то, что

делают все окружающие нас.

Разница между этими двумя состояниями только в том, что то, что предполагается Паскалем – именно та последовательность в сновидениях, это самое вполне случилось теперь, когда безумие охватило всех или огромное большинство людей нашего мира. Мы живем безумной, противной самым простым и первым требованиям здравого смысла, жизнью, но так как этой жизнью живут все или огромное большинство, мы не видим уже различия между безумной и разумной жизнью и свою безумную жизнь признаем разумной.

И как для того, чтобы избавиться во сне от ужаса к тому, что происходит с нами, и, главное, к тому, что мы сами делаем, надо сознать себя, понять, что это сон и тогда проснуться, так и для того, чтобы избавиться от того ужаса, среди которого мы живем и в котором участвуем, надо сознать себя и вызвать в себе то нравственное чувство и нравственное усилие, которое свойственно разумному существу, человеку.

VIII

То ж, что мы живем безумной, вполне безумной, сумасшедшей жизнью, это не слова, не сравнение, не преувеличение, а самое простое утверждение того, что есть. На днях мне случилось посетить два огромных учреждения душевно больных, и впечатление, которое я вынес, было то, что я видел учреждения, устроенные душевно больными одной общей, повальной формы сумасшествия, для больных разнообразными, не подходящими под общую повальную форму, формами сумасшествия. Все эти разнообразные формы сумасшествия подразделяются теми, которые одержимы одной повальной формой сумасшествия, на множество разных классов, отделов и видов. Есть классификация Гюислена, Целлера, Гразингера, Крафт-Эбинга, Мореля, Мейнерта, Люша, Маньяна, Крепелина, Морзелли, Клустана, Хак-Тьюка, Корсакова, Игнатьева и мн. др. Все они несогласны и даже противоречат. У каждого психиатра есть свои всякие психонейрозы, мании, паранойи и разные везании и кататонические и др., и *Psychopathia degenerativa* и всякая другая. Вообще, как говорит один ученый автор, для большинства психозов не найдено еще патогномического и анатомопатологического субстрата (*sic*), и потому деления точного нельзя делать. Те же, какие существуют деления, могут быть нужны только для того, чтобы студенты, заучивая их и отвечая на экзамене те самые слова, которые они слышат от профессоров, получили бы дипломы, а потом благодаря дипломам места с жалованьем, превосходящим в 20, 30, 50 раз жалованье работника, делающего несомненно нужную всем людям работу. Так что в сущности есть только одно ясное и понятное деление душевно больных, то, по которому они распределяют больных в больницах, и определяется то или другое обращение с ними. Деление это такое:

- 1) Беспокойные. (Прежде они назывались буйными.)
- 2) Полубеспокойные.
- 3) Спокойные и

4) Испытуемые.

И это самое деление вполне точно относится ко всему огромному количеству людей, одержимых безумием так называемой культуры нашего времени.